

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

И. П. РАСПОПОВ

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОСТИ

В решении вопроса о выявлении предикативности в структуре предложения в нашей лингвистической литературе за последнее время наметилось два основных направления. Некоторые лингвисты, настаивающие на тезисе об обязательной двучленности мысли, видят выражение предикативности прежде всего в отношениях между субъектом и предикатом и конкретно в предложении — в отношениях между подлежащим и сказуемым. Представители другого направления рассматривают предикативность более широко, считая, что основное значение этой категории определяется отношением содержания предложения к действительности и не ограничивается отношениями между подлежащим и сказуемым.

На обязательной двучленности мысли особенно настаивает проф. В. Г. Адмони¹, распространяющий этот тезис и на структуру предложения. Стремясь во что бы то ни стало найти в любом предложении два состава, В. Г. Адмони предлагает ввести понятия двусоставности синтаксической (она проявляется в отношениях между синтаксическими членами предложения, например в конструкциях типа *Мы трудящиеся*, *Мы работаем*) и двусоставности морфологической (она обнаруживается в отношениях между основой и флексией в структуре слова, например в односоставных предложениях *Светает*, *Приду* и под.)². На основе принципа двусоставности (и понимая предикативность как отношение между составами) В. Г. Адмони, естественно, приходит к выводу, что образцовым структурным типом предложения в языке является двусоставное предложение с четко выраженной конструктивной связью между его главными членами. Остальные структурные типы предложения с этой точки зрения по существу оказываются неполноценными, поскольку в них двусоставность «не всегда может получать свое четкое выражение».

Думается, однако, что такой подход не способствует выявлению сущности предложения во всем многообразии его функций и структурных форм в языке. Деление двусоставности на синтаксическую и морфологическую искусственно лишено внутреннего смысла и практически нецелесообразно. Оно неизбежно ведет к морфологизации синтаксических явлений, к натяжкам в объяснении структуры предложения. Вызывают сомнения и исходные положения этой концепции — рассуждения В. Г. Адмони относительно того, что акт речевого общения «может осуществлять свое назначение только будучи по своему содержанию сочетанием двух (по меньшей мере...) компонентов»³. Верно, что простое название одного чего-то не будет сооб-

¹ В. Г. Адмони, О двусоставности предложения, «Уч. зап. [1-го ЛГПИИЯ]», Новая серия, вып. II — Вопросы грамматики и лексикологии, 1955, стр. 139.

² Там же, стр. 141 и далее.

³ Там же, стр. 139.

щением. Но ведь это «одно что-то» (предмет, явление и т. д.) может констатироваться говорящим как нечто осуществляющееся, имеющее место в действительности, и в таком случае двусоставность предложения-суждения (такого, например, как *Светает*) вовсе не является обязательной¹. Социальная природа акта речевого общения (а этим как раз и обосновывает В. Г. Адмони тезис о двусоставности предложения-суждения) состоит не в том, что он должен быть обязательно двусоставным, а в том лишь, что он выражает взаимоотношение между говорящим и слушающим.

Другую и, на наш взгляд, более верную точку зрения на природу предикативности высказывает акад. В. В. Виноградов, который утверждает, что «предикативность не всегда выражается в предикативной связи между... членами предложения», что «предикативность может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения»².

Следует подчеркнуть, что выражение и выявление предикативности в предложении прямо связано с его семантико-функциональной (коммуникативной) направленностью. Согласно учению о так называемом актуальном (смысловом) членении предложения (В. Матезиус), в любом предложении, независимо от его структуры и формально-грамматического состава, выражается нечто «новое», неизвестное для собеседника. Предикативность, т. е. отнесение к действительности, прежде всего и касается этого «нового». Оно может приписываться как признак, действие, свойство, местная, временная и т. д. локализованность какому-то выраженному в предложении, названному «данному» (предмету речи), но может и непосредственно соотноситься с действительностью³. Причем, как известно, в конкретном предложении «новое» и «данное» далеко не всегда совпадают с грамматическим сказуемым и грамматическим подлежащим.

Возникает вопрос: есть ли какая-нибудь взаимозависимость между формально-грамматической структурой предложения и его семантико-функциональной (коммуникативной) направленностью? Одну из последних попыток ответить на этот вопрос мы находим в статье К. Г. Крушельницкой⁴. К. Г. Крушельницкая пишет, что каждый член предложения обычно имеет вполне определенную коммуникативную нагрузку, которая свойственна ему, так сказать, по природе. «Так, например, подлежащее преимущественно является данным в предложении... Такие же члены предложения, как обстоятельство образа действия и сказуемое, несут преимущественно нагрузку нового»⁵.

Конечно, при этом отмечается (и раскрывается на большом количестве примеров), что данное соотношение может существенно видоизменяться за счет порядка слов и интонации. Но остается недостаточно ясным, являются ли порядок слов и интонация какими-то дополнительными факторами, определяющими смысловую нагрузку членов предложения независимо

¹ Разумеется, предмет суждения и здесь налицо — это сама действительность. Но предмет суждения вовсе не тождествен субъекту суждения. Двусоставность предложения-суждения в данном случае можно было бы принять только в том смысле, что его содержание (первый компонент) соотносится с действительностью (второй компонент), т. е. предикативность. Но В. Г. Адмони иначе понимает предикативность и говорит об отношениях двух членов в составе самого предложения-суждения.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 87. См. об этом также в статье: И. П. Ра с п о в, К вопросу о модальности предложения, «Уч. зап. Благовещенского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина», т. VIII, 1957.

³ В этом отношении весьма плодотворными (хотя в применении к конкретным примерам и не всегда верными) являются соображения акад. Л. В. Щербы об одночленной и двучленной фразе (см. Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, М.—Л., 1937, стр. 117—118).

⁴ К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я, К вопросу о смысловом членении предложения, ВЯ, 1956, № 5.

⁵ Там же, стр. 59.

от структуры предложения в целом, или они тесно спаяны с грамматической структурой предложения и выполняют свою роль во взаимодействии друг с другом.

Нам представляется, что вопрос о соотношении грамматического и актуального (смыслового) членения предложения, который непосредственно связан с проблемой предикативности, может быть правильно решен только при учете всех факторов структурной организации предложения в их сложном и многообразном взаимодействии.

*

Прежде чем перейти к характеристике видов и способов выражения предикативности в различных структурно-грамматических типах предложения, необходимо сделать несколько замечаний относительно структуры и сущности предложения вообще.

1. Безусловно ошибочно мнение, согласно которому структуру предложения ограничивают его грамматическим членением, а такие факторы, как порядок слов и интонация (особенно последняя), рассматривают как нечто дополнительное, второстепенное, зависящее только от субъективной установки и воли говорящего¹. Соотношение предложения и суждения, структура предложения и его коммуникативное значение в речи в полной мере могут быть выявлены лишь при условии, если мы признаем, что «фактически предложение существует как определенное единство своего состава, интонации и порядка слов»².

2. Было бы также неверно думать, что отнесенность выраженного в предложении содержания к действительности устанавливается одновременно какими-то двумя путями: через грамматически типизированную связь сказуемого с подлежащим и — по воле говорящего — за счет порядка слов и интонации³. С нашей точки зрения, эта отнесенность устанавливается только одним путем, а именно — через отношение «предмета речи» («данного»), которым может быть и сама действительность, и «нового».

3. В простом предложении не может быть одновременно нескольких предикатов, которые, как это пытаются доказать Н. И. Жинкин⁴, утверждаются или снимаются в зависимости от цели высказывания. В предложении *Хороший человек пришел* он видит, например, два предиката — предикат первого порядка (который является целью данного сообщения; в рассматриваемом примере — *пришел*) и предикат второго порядка (который потенциально претендует на эту роль; здесь: *хороший*).

Все рассуждения Н. И. Жинкина относительно иерархии предикатов имеют целью обосновать известное мнение о том, что одно и то же предложение — при изменении порядка слов и интонации — может выражать собою несколько различных суждений. Но это неверное мнение: «...изменение порядка слов или логического ударения означает изменение не только суждения, но и предложения (если брать его во всем многообразии)»⁵.

¹ Такое узкое понимание структуры предложения, хотя оно за последнее время взято под сомнение большинством ученых, все еще отстаивается некоторыми лингвистами и логиками. См. например, В. П. Х о р о в, О соотношении субъектно-предикатной структуры суждений и грамматического строя двусоставных предложений. Автореф. канд. диссерт., Л., 1955, стр. 14—15.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 89.

³ Такой взгляд высказывает, в частности, В. Г. Адмони, противопоставляющий логико-грамматический аспект предложения так называемому аспекту познавательной установки (см. В. Г. А д м о н и, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955).

⁴ Н. И. Ж и н к и н, Вопрос и вопросительное предложение, ВЯ, 1955, № 3.

⁵ М. Н. А л е к с е е в и Г. В. К о л ш а н с к и й, О соотношении логических и грамматических категорий, ВЯ, 1955, № 5, стр. 13.

И соответствие предложения тому или иному суждению, и его структура в целом обуславливаются познавательной установкой говорящего, раскрывающего определенные стороны действительности и соотносящего с действительностью свое высказывание.

Таким образом, если согласиться, что отнесенность высказываемого в предложении содержания к действительности непосредственно отражает познавательную установку говорящего (а в этом и состоит коммуникативная сущность предложения), то весь вопрос о способах выражения предикативности (и предикации) сводится к вопросу о том, как выражается и оформляется в предложении «новое». В дальнейшем мы и будем называть «новое» предикативной или предизируемой частью, для того чтобы таким названием подчеркнуть прямую связь понятий семантико-функциональной (коммуникативной) направленности предложения и предикативности.

*

Прежде всего попытаемся выяснить, как осуществляется предизирование в двусоставном предложении и какую роль в этом отношении играет синтаксическое сказуемое. Одним из наиболее часто встречающихся типов двусоставного предложения в русском языке являются предложения с так называемым простым глагольным сказуемым. В таких предложениях, по распространенному мнению, предизируемая часть выражается обычно указанным сказуемым или всем составом сказуемого. При этом подлежащее (или состав подлежащего) выполняет роль «данного», указывает предмет речи. Например: *Дядя — приехал; Наш дядя — сегодня приехал из города и под.*

Обычность предикативной функции глагольного сказуемого в подобных случаях объясняется, кроме всего прочего, тем, что оно обладает грамматическими категориями наклонения (модальности), времени и лица и, таким образом, не только соотносит высказанное в предложении содержание с действительностью, но и указывает конкретные формы бытия предмета (во времени и в отношении к нему говорящего). Это наиболее простой — хотя и наиболее типичный — случай.

Попробуем видоизменить форму рассматриваемых предложений путем изменения интонации и порядка слов. Произнесем предложение с логическим ударением на первом слове: *Дядя приехал.* В таком случае синтаксическое подлежащее (*дядя*) будет уже входить в состав «нового», в состав предизируемой части (по-видимому, вместе со сказуемым), и все предложение получит иной смысл (например, оно может представлять собой ответ на вопрос: что там случилось?).

Более разнообразные смысловые отношения могут быть выражены путем изменения интонации и порядка слов во втором предложении. Предложение *Сегодня из города приехал наш дядя* имеет значение простой констатации факта. Здесь налицо предизирование высказывания в целом; глагольное сказуемое входит в состав предизируемой части как ее центральный член. При изменении порядка слов и интонации: *Наш дядя приехал из города — сегодня* (ответ на вопрос: когда приехал из города наш дядя?) — глагольное сказуемое само по себе, по-видимому, уже не входит в состав «нового» (предизируемой части) и его роль ограничивается только выражением связи между субъектом действия и «новым» (указание времени). Уже этот простой эксперимент показывает, что использование глагольного сказуемого для выражения предикативности (во взаимодействии с другими факторами) характеризуется большим разнообразием.

Наблюдение над конкретным языковым материалом позволяет установить в предложениях с глагольным сказуемым несколько различных типов

предикции в зависимости от определенного смыслового задания — с соответствующими изменениями в структуре этих предложений.

1-й тип: предложения, выражающие простое констатирование факта. В таких предложениях, как уже было отмечено выше, содержится только «новое», в них налицо предиктивное высказывание в целом; предметом речи здесь выступает сама действительность. Порядок слов в таких предложениях располагается по схеме: на первом месте — состав сказуемого, на втором — состав подлежащего; при этом логическим ударением специально не выделяется ни один из членов, и мелодический рисунок предложения в целом характеризуется ровным понижением тона к концу (по типу одночленной фразы): «Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно и на аллеях лежали темные листья» (Чехов, Ионыч); «Был осенний холодный день. К крыльцу главной гостиницы губернского города С...а подъехала дорожная коляска...» (Тургенев, Рудин).

2-й тип: предложения, выражающие развернутое высказывание о каком-то предмете или лице. В таких предложениях наблюдается уже четкое расчленение высказываемой мысли, здесь налицо и «данное» (предмет речи) и «новое» (предиктируемая часть). Наиболее обычная форма этих предложений: на первом месте — состав подлежащего, на втором — состав сказуемого; логическое ударение не играет особой роли, мелодический рисунок характеризуется повышением тона в начале предложения с последующим падением (по типу двучленной фразы): «Отряд был уже в самой низине и быстро приближался к лесу...» (Фадеев, Разгром); «Казачий эскадрон скрылся в березовой роще» (там же).

Сохранение указанного типа предикации может наблюдаться и при изменении данного порядка слов в предложении, когда состав подлежащего и состав сказуемого меняются своими местами. Однако при этом обязательным оказывается специальное интонационное (и, в частности, акцентное) выделение состава сказуемого: «Раздвоенной, диковинной жизнью жил эти дни Яков Лукич» (Шолохов, Поднятая целина).

3-й тип: предложения, которые имеют специальное уточняющее значение относительно какого-то факта, события, действия или состояния определенного лица (предмета) и т. д. В таких предложениях предиктируемая часть выражается не всем составом сказуемого, а отдельными членами этого состава (чаще всего обстоятельством). Порядок слов в этих предложениях может совпадать с предыдущим типом, но член предложения, выражающий «новое», всегда специально выделяется в них при помощи логического ударения или ставится на самый конец фразы: «Давыдов долго бежал, держась за грядущку саней, пытаясь согреть ноги, потом вскочил в сани и, притаившись, задремал...; ...Он проснулся от холода, взявшего в тиски сердце...» (Шолохов, Поднятая целина); «По словам разведчика, главный японский штаб стоял в Яковлевке» (Фадеев, Разгром).

Благодаря такому специальному выделению «нового» в этих предложениях (без изменения их основного значения) вполне допустимо и нарушение обычного порядка слов (подлежащее и сказуемое в них могут меняться местами); «Умер он [Власов] от грыжи. Он умер утром, в те минуты, когда гудок звал на работу» (Горький, Мать); «Выехал Яков Лукич с утра... В дуброву приехал он около полудня... В хутор Лукич вернулся только ночью» (Шолохов, Поднятая целина).

Несколько иной характер предикции наблюдается в предложениях с именным сказуемым. По своему содержанию такие предложения более или менее однотипны. Это всегда определенные высказывания о каком-нибудь лице или предмете. Обычно «данное» (предмет речи) в них выражается подлежащим, а «новое» (предиктируемая часть) — сказуемым. Такое соотношение специально подчеркивается интонацией, свойственной

двучленной фразе. Порядок слов в этих предложениях (в соответствии с их семантико-функциональным значением), как правило, представляет собой устойчивую схему: на первом месте — состав подлежащего, на втором — состав сказуемого: «...человек — кузнец своему счастью» (Федин, Первые радости); «Сабуров был вполне человеком своего поколения» (Симонов, Дни и ночи); «Погода стояла прекрасная...» (Тургенев, Отцы и дети).

Этот порядок слов в ряде случаев играет не только смысловую, но и грамматически определяющую роль, например, в так называемых предложениях тождества.

Частичное изменение порядка слов при сохранении семантико-функциональной направленности предложения («данное» выражается подлежащим, предиктируемая часть — составом сказуемого) может иметь место в предложениях связочного типа: «Считался Яков Лукич в хуторе человеком большого ума, лисьей повадки и осторожности» (Шолохов, Поднятая целина).

Нередко (опять-таки при сохранении основного типа предикации) на первое место в таких предложениях выносятся обстоятельственные слова: «Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами» (Лермонтов, Герой нашего времени); «Сегодня вы так же свежи и милы, как это утро» (Тургенев, Рудин).

Однако, наряду с указанным типом предикации, и в этих предложениях вполне допустимо иное семантико-функциональное соотношение составов подлежащего и сказуемого, когда «данное» выражается сказуемым, а «новое» — подлежащим. Такой тип соответственно связан с противоположной схемой порядка слов: на первом месте — состав сказуемого, на втором — состав подлежащего: «Замечательнейшим свойством Валетки было его непостижимое равнодушие ко всему на свете...» (Тургенев, Ермолай и мельничиха); «Больше всех смущен был старый граф» (Л. Толстой, Война и мир); «В Серпухове, станций за несколько от Москвы, у них ямщиком очутилась баба» (Писемский, Тысяча душ).

Но при наличии особого акцентного выделения состава сказуемого и при данном порядке слов сохраняется основной тип предикации: «Темно и скромно происхождение нашего героя» (Гоголь, Мертвые души); «Неестественно и тяжело ему казалось такое неумеренное чтение» (Гончаров, Обломов).

Как видим, синтаксическое сказуемое во многих случаях входит в состав предиктируемой части только при наличии определенных синтаксических условий, а нередко оказывается и за пределами этого состава¹.

*

Особое выражение получает предиктирование в односоставных предложениях. Эти предложения по своему содержанию и целевой направленности в основном означают констатацию факта. Некоторые из них называют предмет речи и утверждают его бытие. В них содержание высказывания ограничивается отношением названного предмета речи к действительности. Таковы номинативные бытийные (экзистенциальные) предложения: «Утро. Сквозь льдяные кружева, покрывающие оконные стекла, пробивается в детскую яркий солнечный свет» (Чехов, Событие); «Ночь. В холодном лун-

¹ В свое время еще В. Сланский совершенно верно заметил: «...вопрос о видах грамматических сказуемых есть не больше, как часть вопроса о тех способах, какими вообще выражается в предложениях всё, что только может ими в реальном смысле выражаться» (В. С л а н с к и й, Грамматика — как она есть и как должна бы быть, СПб., 1887, стр. 119). Об этом же пишет И. И. Мещанинов: «Не всякое содержание предикативности выражается только сказуемым, и, наоборот, сказуемое есть лишь одна из разновидностей передачи предикативности...» (И. И. М е щ а н и н о в, Предикативность, сказуемость и глагольность, «Вестник ЛГУ», 1946, № 4—5, стр. 121).

ном небе растаял последний теплый мазок вечерней зари» (А. Кожевников, Живая вода).

Этим предложениям свойственно предцирование в целом, причем таким предцированием бытие предмета не конкретизируется, а только указывается как бытие, существование вообще. Это так называемое простое общее предцирование; оно осуществляется преимущественно средствами интонации.

Более разнообразны по содержанию и целевой направленности односоставные безличные предложения. В собственно безличных предложениях типа *Светает*, *Холодно* и под. предметом речи ситуативно является сама действительность. Конкретизация того или иного проявления действительности в данных предложениях составляет основу, суть предцирования; это так называемое простое конкретное предцирование: «*Вечерет*. В окно смотрит голубая весна» (Пришвин, Корень жизни); «*Светает!* Ах, как скоро ночь минула!» (Грибосдов, Горе от ума).

В безличных предложениях с названным субъектом состояния, типа *Олея ранило стрелой*, *Мне что-то не работается сегодня* и др., мы имеем уже иной характер предцирования. Здесь может быть наличие (в случае интонационного расчленения) и предмет речи, и «новое» (предцируемая часть). В большинстве случаев «новым» в таких предложениях является состояние, приписываемое названному в форме дательного или винительного падежа субъекту. При этом дательный (или винительный) субъекта ставится на первое место, а основной акцентный вес в предложении (в соответствии с указанным смысловым заданием) ложится на группу слов, связанных с главным членом предложения: «Петрушке приказано было оставаться дома, смотреть за комнатой и чемоданом» (Гоголь, Мертвые души); «Старик, провозжая Василия Андреича, вынес фонарь в сени и хотел осветить ему, но фонарь тотчас же задуло» (Л. Толстой, Хозяин и работник).

Аналогичные смысловые отношения сохраняются и при изменении данного порядка слов, если главный член, обозначающий состояние (или действие), несет на себе усиленное логическое ударение: «Хорошо, что Аксинья ушла, а то *ушибло бы её*» (Горький, Мои университеты); «Эту ночь *не спалось* Татьяне...» (Бабаевский, Свет над землей).

Но при изменении порядка слов, сопровождающемся переносом логического ударения на субъект состояния, «новым» в предложении оказывается уже названный субъект:

Любовь мы завещаем женам
Воспомянь сыновьям,
Но по полям, войной сожженным,
Идти завещано друзьям.

(Симонов, Смерть друга)

То же самое наблюдается и в других типах односоставных предложений, например в предложениях неопределенно-личных (с имеющимся при главном члене прямым дополнением). Эти предложения могут выражать простую констатацию факта. В таком случае на первое место в них обычно выдвигаются обстоятельственные слова, а прямое дополнение ставится после главного члена: *Сегодня выдают стипендию*; *По радио передают последние известия*; «Часу в пятом купали команду. На воду спускали парус, который наполнялся водой...» (Гончаров, Фрегат «Паллада»).

С изменением указанного порядка слов, когда прямое дополнение оказывается на первом месте, в тех же предложениях происходит расчленение высказывания на предмет речи («данное») и «новое»: *Стипендию/выдают сегодня*; *Последние известия/по радио/еще не передавали*; «Весовщикова на

фабрику не приняли, он поступил в работники к торговцу лесом и возил по слободке бревна, тес и дрова» (Горький, Мать); *«Вы слышали? Убийца найден... Сейчас его приведут сюда...»* (Горький, Враги).

Таким образом, содержание и целевая направленность предложения, обусловливаемые характером предикативности, соотношением высказываемой в предложении мысли с действительностью, зависят и от формально-грамматических факторов (отношения и связи членов предложения), и от словорасположения и интонации. При этом для одних структурно-грамматических типов предложения основным и определяющим является исключительно наличие собственно грамматических факторов (интонация выполняет в них только назначение общего отнесения высказывания к действительности); таковы односоставные предложения — номинативные и собственно безличные. Для других типов предложения взаимодействие собственно грамматических факторов, интонации и порядка слов носит более сложный и разнообразный характер; таковы различные типы двусоставного предложения, а также некоторые разновидности предложений односоставных.

Детальное изучение взаимодействия различных факторов структурной организации предложения является, несомненно, одной из важнейших задач, стоящих перед описательной грамматикой языка. Оно поможет установить новую типологию предложения в соответствии с его реальным назначением в речи, выявить своеобразие различных языковых явлений в их практическом применении в самом процессе речевого общения.